

В.Ф. МИЛЛЕР – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РЕЛИГИИ ОСЕТИН

**Т. Е. ДЗЕРАНОВ,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
СОИГСИ им. В.И. Абаева**

Всеволод Федорович Миллер (1848-1913) отличался разнообразием и широтой научных интересов. Его труды по санскритологии, мифологии, иранистике, этнографии, фольклористике, археологии и в настоящее время не потеряли своей научной ценности. Велика его роль в становлении и развитии научного изучения народов Кавказа и особенно Осетии. Применяя метод сравнительного анализа, он использовал данные смежных наук для комплексного исследования их истории и культуры.

Неоценим вклад российского ученого в изучение духовной культуры осетин. Значение В.Ф. Миллера в становлении и развитии осетинского языковедения, исторической науки, этнографии, фольклористики получило достойную оценку в отечественной историографии. В меньшей степени освещена его религиозно-научная деятельность, хотя ученого можно с пол-

ным правом назвать основоположником осетинского научного религиоведения.

Необходимо отметить, что религия осетин и их предков — алан — издавна привлекала к себе внимание каждого, кто сталкивался с этим народом. Практически во всех исторических источниках по Осетии имеются фрагменты с сообщениями о религиозных верованиях ее населения [1]. Но регулярное изучение религии осетин начинается с 40-х гг. XVIII века, с момента подготовки присоединения Осетии к России. Первыми исследователями религии осетин можно считать миссионеров из Осетинской духовной комиссии, представлявших русскую православную церковь и правительство. Документы комиссии являются ценными источниками для исследователей духовной жизни осетин XVIII — начала XIX вв. Среди этих документов наибольший интерес представляет

донесение начальника Осетинской духовной комиссии, протопопы, Иоанна Болгарского, епископу Астраханскому и Ставропольскому Антонию от 18 июля 1780 г., в котором описываются нравы, обычаи и верования осетин [2]. Интересный материал о религиозной ситуации в Осетии можно найти в воспоминаниях служивших на Кавказе военных — офицеров русской армии. Из них наиболее ценными для исследователей являются мемуары Л.Л. Штедера «Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году», А.Л. Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе», декабриста В.С. Толстого «Поездка в Осетию в 1847 году» [3].

Вслед за миссионерами и военными русское правительство направляет на Северный Кавказ ученых. С 1770 г. в Северной Осетии начинают появляться экспедиции Российской академии наук. Руководителем первой, получившей название «Астраханской», экспедиции был действительный член Академии наук И.А. Гюльденштедт [4]. Осетию посещают П.С. Паллас [5] и другие российские ученые.

Но за короткое время действия первых академических экспедиций, без знания языка, «путем наблюдений» нельзя было *познать* специфику духовной культуры народа. В частности, сам И.А. Гюльденштедт, не имея возможности детально исследовать религию и обычное право осетин, ограничился следующим поверхностным выводом: «Вообще они (осетины — Т.Д.) невежественны как в религии, так и в законах, даже в нравах...» [6].

Из его «Описания Кавказских земель» можно сделать вывод, что у осе-

тин вообще нет религии: «...христианская религия, хотя и сохранилась в виде многих пережитков, некоторого количества старых церквей, общепринятого соблюдения больших постов и т.д., фактически потеряла силу в результате необузданного дикого состояния народа, но не была заменена ничем другим» [7].

К началу XIX века русская наука накопила определенное количество материала об Осетии и осетинах. Академик И.Г. Георги в своей капитальной работе «Описание всех обитающих в российском государстве народов» [8], в статье «Осетины», опубликованной в 1799 году, привел накопленные Российской академией наблюдения российских ученых, миссионеров и путешественников о нравах, обычаях и верованиях этого народа.

Собранный первыми исследователями материал о религиозных взглядах осетин и других кавказских народах необходимо было уточнить, дополнить и систематизировать. Архаичность народных верований, обычаев и обрядов, а также характерная для основной массы осетин веротерпимость, сосуществование внутри одного этноса христианства и ислама требовали научного анализа и религиоведческой интерпретации. Эту работу невозможно было провести без знания языка народа. К осуществлению этой задачи в XIX веке приступило следующее поколение российских ученых.

Систематическое научное изучение языка осетин было начато российским академиком А.М. Шёгреном, он также проводит работу по сбору сведений о религиозных обрядах этого народа [9]. Но комплексное изучение языка и религии осетин было осуществлено

Всеволодом Федоровичем Миллером и его сотрудниками. С 1879 по 1886 гг. В.Ф. Миллер совершил пять научных экспедиций в Осетию, в ходе которых изучал язык, быт и верования осетин, собирал фольклор, исследовал культовые архитектурные и археологические памятники. Большое значение ученый придавал сбору, анализу и публикации сказаний Нартовского эпоса осетин.

В известной работе «Осетинские этюды» он формулирует следующие задачи исследования: «...мы предполагаем издать ряд материалов и исследований, имеющих целью изучение языка осетин, их эпических сказаний, религиозных воззрений и их прошлого» [10]. Там же он изложил программу изучения осетинского этноса из шести вопросов, в центре которых помещает следующий: «Каковы их (осетин. — Т.Д.) религиозные воззрения?» Опираясь на накопленный предшественниками материал, он ввел в научный оборот огромный объем нового, полученного в экспедициях, полевого материала.

Во время экспедиций В.Ф. Миллер беседовал с людьми на их родном языке, обоими диалектами которого он владел совершенно свободно. Это обеспечило ему возможность получать материал, недоступный другим исследователям. «Еще во время первой своей поездки ... по горной Осетии он записал много преданий о возникновении отдельных осетинских святилищ (дзуаров), присутствовал на некоторых празднествах, в частности, побывал на пиршестве в честь известного святилища Реком (селение Цей), собирал материал об осетинских похоронных обрядах» [11].

Работу по сбору и анализу материала о религиозных воззрениях и свя-

занных с ними обрядах он проводил и во время следующих экспедиций.

Всеволод Федорович Миллер проявил выдающиеся способности не только как исследователь, но и как ученый-организатор.

Им было организовано несколько комплексных экспедиций на Кавказ, в которых приняли участие такие известные российские ученые, как М.М. Ковалевский, Н.Н. Харузин (начал сотрудничать с В.Ф. Миллером со студенческих лет), композитор и искусствовед С.И. Танеев и др.

Всеволод Федорович стоял у истоков зарождения осетинской национальной науки — российский учёный привлекает к исследовательской работе представителей молодой светской и духовной осетинской интеллигенции. Под его руководством работу по сбору и публикации сведений о религии и обрядах осетин проводили его сотрудники Ц. Амбалов, И.Т. Собиев, С.В. Кокиев, С.А. Туккаев и др., ставшие впоследствии известными деятелями осетинской культуры.

Благодаря дружеской поддержке и научному руководству В.Ф. Миллера, на созданной им научной базе такие энтузиасты, как С. Жускаев [12], Дж. и Г. Шанаевы [13], собирают материал и публикуют научные статьи по языку, истории, обычаям и верованиям своего народа, ставших ценнейшими источниками по изучению духовной культуры осетин. Священник А.Г. Гатуев, чью помощь во время экспедиций высоко оценивал В.Ф. Миллер, под влиянием ученого написал историю христианской церкви в Осетии [14].

Новое поколение осетинских ученых, пришедших в науку уже после смерти Всеволода Федоровича, счи-

тало себя его последователями. Выдающийся ученый-иранист В. И. Абаев писал: «Еще в гимназические годы мне попала книга В. Миллера «Осетинские этюды», и, прочитав ее, я загорелся желанием как-то продолжить ту работу, которую проделал Миллер... Тогда же я решил поехать в Петроград, в университет, туда, где работал Миллер, и поступить на иранский факультет» [15].

Не меньшую роль сыграл российский ученый в судьбах Б.А. Алборова и Б.А. Калоева, продолживших начатые им исследования и посвятивших творческому наследию В.Ф. Миллера статьи [15] и монографию [16].

Труды выдающегося российского ученого являются фундаментом осетинской науки. Итогом проведенных В.Ф. Миллером исследований Осетии стала капитальная работа «Осетинские этюды», вышедшая в трёх томах. Эта работа считалась одним из лучших исследований в области духовной культуры народов Кавказа, не потеряла она своего научного значения и сегодня. По мнению известного осетинского этнографа Б.А. Калоева, выход ее послужил значительным толчком для изучения религиозных верований не только осетин, но и других кавказских народов. В печати стали появляться ценные исследования по различным вопросам традиционной религии горцев и описания, связанных с ней, обрядов и обычаев.

Обработав накопленный им и его сотрудниками большой религиозно-этнографический материал, В.Ф. Миллер в 1882 г. опубликовал во втором томе «Осетинских этюдов» статью (главу) «Религиозные верования осетин» [17]. Эта работа является первым полноценным на-

учным исследованием, положившим основу осетинского и кавказского научного религиоведения.

Богатый религиозно-этнографический материал содержится также в статьях В.Ф. Миллера «В горах Осетии» [18], «Черты старины в сказаниях и быте осетин» и др.

В ряде работ ученого исследуются религиозные верования других народов Кавказа, в частности балкарцев, ингушей, татов, выявляются их общие и специфические элементы; освещается история религии на Кавказе и юге России [19].

Говоря о степени религиозности осетин, В.Ф. Миллер отмечал: «В осетинах мне никогда не случилось видеть ни ханжества, ни религиозного фанатизма: во всем проглядывает чисто внешнее, материалистическое воззрение на религию» [20]. Доминирующей формой религии осетин, по определению ученого, были «самобытные языческие верования», уходящие корнями в древность: «Осетин — называет ли он себя христианином или мусульманином — в сущности, язычник. Его религия сводится к тому, что в известные дни следует зарезать барашка или быка, пойти на известное «святое место», пропеть в честь местного дзуара восхваление, затем его долги небу уплачены... Осетин нисколько не враждебен церкви, но редко ходит в нее и гораздо выше ее ставит «святые места» [21].

Со средних веков до XIX в. сохранились многочисленные свидетельства о своеобразном синкретическом культе осетин и их предков, алан, состоящем из христианских и «языческих» компонентов. В.Ф. Миллер первый из исследователей обратил внимание на

включение в систему традиционных осетинских верований третьего — исламского — компонента: «Соседство мусульман занесло в Осетию Махамата, и эти две струи, христианская и магометанская, стеклись и слились с местными древними культурами языческих богов, гор и деревьев в какой-то странный комплекс религиозных понятий, который нельзя назвать иначе, как язычеством» [22]. Образ пророка Магомета в религиозном сознании осетин слился с образом сына Солнца. «Осетины-мусульмане, узнав имя Махамата, солнцеза сына (хуры фырт), стали совершать омовения, соблюдать пятницу, поститься во время уразы (рамазана), но это не помешало им справлять прежние празднества и чтить старые дзуары» [23].

В «Осетинских этюдах» В.Ф. Миллер дает первую научную систематизацию религиозных верований и обрядов осетин, включив в нее следующие разделы («рубрики»): 1. Верования в высших духов; 2. Осетинские дзуары; 3. Общественные праздники; 4. Домашние обряды; 5. Предания о небесных светилах [24]. Собрав накопленные сведения о сохранившихся в Осетии элементах архаичных форм религии, В.Ф. Миллер смог провести научную реконструкцию древней религиозной системы осетин.

Первый раздел исследования «Верования в высших духов» начинается с характеристики «высшего существа» — *Хуыцау*, возглавляющего осетинский пантеон. «Осетины верят и верили раньше принятия ислама и христианства в существование одного верховного невидимого Бога, пребывающего где-то на небе и управляющего миром. Имя *Хуцау* беспрестанно в устах осети-

на: оно слышится в большинстве пожеланий, которыми так щедро снабжен этикет повседневной жизни» [25].

Хуыцау подчинена иерархия «духов», которые «занимают в его (осетина — Т.Д.) религиозных представлениях и в культе такое же место, как боги у древних греков, германцев или славян. И можно нередко слышать, как он называет верховного Бога Богом — богов (*Хуцауты-Хуцау*), допуская тем самым... существование других богов, подчиненных Высшему».

Подобная религиозная система, являющаяся высшим уровнем развития политеизма, получила в классическом религиоведении определение «энотеизм» [26].

«Высшее существо» для осетин «слишком далеко, слишком недоступно, безлично и неуловимо: в повседневной жизни счастье и несчастье зависят, по его представлениям, от вмешательства других сил, заведующих разными областями природных явлений и подчиненных высшему Богу.

От одного из этих духов зависит урожай хлеба, от другого — обилие и здоровье домашнего скота, третий заведует дикими животными и дает удачу на охоте, четвертый посылает урожай меду и т. д.

Среди духов есть и такие, которые посылают болезни, например, оспу, но осетин никогда не назовет такого духа злым или дьяволом» [27].

Анализируя функции входящих в осетинский пантеон божеств — «высших духов», — В.Ф. Миллер отмечает, что «у осетин нет родового названия для духов, от которых непосредственно зависит его существование. Название *дзуар* слишком широко и неопределенно: это слово... означает и крест,

и молельню, святое место, и духа или святого. Дзуаром называют осетины также падающие звезды. Одни дзуары, или духи-покровители, признавались во всей Осетии, другие только в отдельных селах» [28].

В.Ф. Миллер подробно останавливается на характеристике «высших духов» религии осетин. К ним относятся Уацилла (пророк Илия) — небесный дух, повелитель грома и молнии, а также бог хлебных злаков. В данной работе В.Ф. Миллер, в отличие от последующих исследователей, ставит его выше Уастырджи (св. Георгий) — покровителя мужчин, воинов и путников. Далее идут: Тутыр — повелитель волков, Фалвара — покровитель домашних животных, Афсати — властвующий над благородными дикими животными, особенно над турами, оленями, козами, Донбеттыр — повелитель вод, Барастыр — властвующий над мертвыми в загробном мире, Курдалагон — небесный кузнец, Аларды — дух болезней и др.

К числу дохристианских культов алан-осетин он относит и культ матери-богини, канонизированной христианским духовенством и получившей в средние века христианское имя — Мады Майрам (мать Мария).

За высшими духами идут покровители отдельных мест, селений и патронимий. Далее ученый отмечает семейные божества: хранитель очага — Сафа и жилища — Бынаты хицау. В соответствии с представлениями осетин существуют также хранители человека и даже отдельных частей его тела.

Кроме того, в молитвах и преданиях осетин упоминаются *зэды* и *дауаги* (*зæдтæ* и *дауджытæ* — Т.Д.) «Название изад, авестийское *yazata*, обознача-

ет довольно неопределенно каких-то духов, ангелов и употребляется как в единственном, так и во множественном числе. Каждый человек имеет своего ангела-хранителя.... Параллельно с именем изад употребляется ими дауаг, по-видимому, осетинское, хотя его этимология нам не ясна, также в значении ангела, низшего духа. Оба имени изад и дауаг — насколько мы знаем, не прилагаются к Уастырджи, Фалвара и другим: изэды и дауэги составляют скорее свиту или толпу духовных сил или небесное воинство...» [29].

Во втором разделе исследования — «Осетинские дзуары» — описываются культовые объекты осетин.

«Мы видели, что дзуаром осетины называют святого, патрона, духа-покровителя. Но то же название прилагается к известному месту, пользующемуся религиозным почитанием. Отношение между тем и другим значением этого слова объясняется тем, что известное место считается жилищем известного духа, в котором он охотно пребывает или которое он посещает в известное время. Таких *святых мест* множество в Осетии: иногда дзуар есть древняя христианская церковь или часовня, сделавшаяся с течением времени языческим капищем, иногда горная пещера, роца, дерево, камень и т. п. Есть дзуары, пользующиеся известностью по всей Осетии, другие же известны только в своем ауле. Можно думать, что особой славой пользуются места, освященные древней христианской святыней, — развалины старых церквей. В культе таких дзуаров сохранились многие черты древнехристианского культа. Самыми славными дзуарами Осетии нужно назвать дзуары Реком и Мыкалгабырта в долине

реки Цей-дона, близ Цейского селения в часе пути от Цейского ледника. Первый из них — древняя часовня, посвященная некогда Св. Георгию (Уастырджи), второй — остаток христианской церкви, построенной некогда во имя Св. Николая Чудотворца» [30]. Они широко отражены в мифологии, в нартовских сказаниях, воспеваются в религиозных песнях осетин.

В.Ф. Миллер подробно описал святилище Реком, *связывая его с христианством*: «Есть основания думать, что рекомовская часовня была построена во времена влияния Грузии на Осетию. Прежние путешественники указывали, что близ входа висел колокол с грузинской надписью, будто бы гласившею, что он принесен в дар святому отцу Осетинской и Дигорской страны Георгием Багратионом. Местные предания упоминают о существовании монастыря в Рекоме и производят происхождение нескольких семейств в ауле Цей от грузинского духовенства» [31].

Культовым объектом — дзуаром — могут быть гора, лес, поляна, роща. «Особенным чествованием пользуется патрон небольшого леска, растущего на левой стороне Терека, напротив Ардонской станицы, близ упраздненного аула Суадаг. Лесок известен под названием Хетаджи дзуар и о происхождении его рассказывается особая легенда» [32]. Отдельное дерево, камень или место, в которое ударила молния, также становятся дзуаром.

В разделе третьем «Общественные праздники» В.Ф. Миллер исследует религиозные праздники и сопутствующие им ритуалы. «Праздники осетин многочисленны и различны по разным местностям. Для большего удобства при их описании мы можем распре-

делить их на три группы: 1) Праздники общеосетинские, календарные, справляющиеся в известные месяцы года и находящиеся в связи с календарем и сельскими работами; 2) Праздники местные, справляемые в том или другом ауле в память какого-нибудь события; 3) Праздники семейные, т.е. круг обрядов, сопровождающих известные события домашней жизни, рождение ребенка, свадьбу, похороны. Первую группу праздников можно рассмотреть в связи с делением года на периоды и месяцы. В этой группе нам придется отметить влияние христианского календаря, занесенное в Осетию еще древней проповедью христианства» [33].

В.Ф. Миллер обстоятельно рассматривает обряды, совершавшиеся на праздниках, *описывает* ритуальные блюда, которые готовились для жертвоприношения и праздничного стола, приводит отрывки из молитвенной речи старика на пиршестве, описывает правила поведения за столом, отмечает древность, уходящих корнями в родовое общество, обычаев.

Среди календарных праздников осетин Миллер отмечает Ногбон (новый день), проведение которого В.Ф. Миллер записал со слов жителя сел. Нар Таймураза Хетагурова. *Ногбон* праздновался под Новый год. К этому дню готовили пиво, араку, а в день праздника пекли из теста своеобразные фигуры, называвшиеся *дедата* и *басилта*, а также большой пирог (*артхурон*), который съедался только членами семьи, без посторонних. В ночь под Новый год мальчики небольшими группами обходили село, поздравляя с праздником и распевая новогоднюю песню, текст которой приводится Миллером на дигорском наречии. Особое

внимание В.Ф. Миллер обращает на погребальные обряды осетин, сохранивших много архаических черт [34].

Описание ритуальных действий, зафиксированных исследователем в различных осетинских обществах, продолжено в следующем, четвертом, разделе «Домашние обряды». Обряды сопровождают все события домашней жизни осетин. В.Ф. Миллер воспроизводит обряды от рождения до похорон, «выделяя в них ... те черты, которые имеют отношение ... к религиозным верованиям» [35].

В последнем, пятом, разделе «Предания о небесных светилах» собраны легенды, в которых отражены космологические представления осетин.

При исследовании религии осетин ученый использует методы сравнительного религиоведения. Анализируя феномены духовной культуры осетин, он привлекает материал не только соседних народов (балкарцев, адыгов, вайнахов, грузин), но и русские (славянские), германские, греческие, иранские сведения.

Используя знания осетинского языка и религии, он смог дешифровать эпиграфические памятники Причерноморья [36], дать религиоведческий анализ археологических артефактов скифского периода, средневековой Западной Алании. Наиболее ярко это проявилось при дешифровке надписи на сарматском амулете, сделанной греческими буквами и читавшейся как «бог Уатафарн».

Подобный бог был неизвестен ученым, и они обратились за разъяснениями к В.Ф. Миллеру. Он, опираясь на свои знания языка и религии осетин, блестяще справился с задачей: «В виду того, что для объяснения «варварских»

личных имен, встречающихся во множестве в греческих надписях Пантикапейских, Ольвийских, Памангорийских и особенно Танаидских, обильный материал уже дал нам осетинский язык, мы поищем в нем же разъяснения имени сарматского бога, открытого нам новым амулетом...

Во второй половине имени Уатафарна мы без всякого труда узнаем древнеиранское слово *farna — *мир, счастье, благо, довольство*, — весьма употребительное в собственных именах древних персов, скифо-сарматов и осетин, вероятно, не менее, чем в славянских именах слово *мир*. В языке современных осетин, несомненных потомков древнего иранского (сарматского) населения придонских и прикубанских областей, слово *фарн* — значит: *мир, счастье, обилие*. ...Итак, вторая половина имени сарматского божества, несомненно, значит: *мир, счастье*. Амулет посвящен богу *мира* или *счастья* чего-то такого, что выражено в первой половине его имени, т. е. *уата*. Разгадку значения этого слова опять дает осетинский язык. В нем есть слово *уат*, обозначающее внутреннюю часть осетинского жилья, именно *спальню* домохозяев. Это слово, в настоящее время специализировавшееся по значению, обозначало первоначально, судя по этимологии, не только *спальню*, но жилье вообще. Согласно с таким производством, бог Уатафарн был божеством *мира Жилища*, покровителем домашнего счастья, и посвященный ему амулет обеспечивал носителю счастье в домашней жизни» [37]. Подобное божество сохранилось у осетин до Нового времени.

В.Ф. Миллер не ограничивался исследованием архаичных форм ре-

лигии осетин и их соседей. Он внес заметный вклад в изучение истории христианства и иудаизма. Так, его статья «Древнеосетинский памятник из Кубанской области» [38] позволила уточнить дату принятия христианства аланами. Описанная им Зеленчукская плита с надписью является единственным осетинским средневековым письменным памятником, датированным ученым XI–XII вв. Расшифровка надписи была осуществлена Миллером при помощи дигорского наречия осетинского языка.

Исследование надписи в последующем было продолжено осетинскими учеными Б.А. Алборовым и В.И. Абаевым.

Проф. Б.А. Алборов, давший к Миллеровской расшифровке дополнения и поправки, *считает*, что из дигорского диалекта наиболее близко подходит к надписи говор моздокских дигорцев-черноярцев, которые переселились из Дигорского ущелья в начале XIX в.

Значение этого памятника, по мнению В.И. Абаева, заключается в том, что «он найден на территории исторических алан и, следовательно, служит одним из подтверждений тождества осетин с аланами и пребывания осетин на западном Кавказе. Этот памятник — христианский, он свидетельствует о том, что осетины-аланы, жившие в X–XII вв. в Кубанской области, были христианами; памятник служит подтверждением того, что уже в ту эпоху были попытки создать осетинскую письменность, используя для этого греческие буквы. Если до сих пор не найдено других памятников

этого рода, то это не значит, что их не было, может быть, они были, но погибли, может быть, они есть и сейчас, но не обнаружены. Никто не производил в этом направлении систематические поиски» [39].

Исследования В.Ф. Миллера получили развитие в трудах отечественных и иностранных ученых. В.И. Абаев и Ж.Дюмезиль продолжили изучение связи религии осетин с религиозными системами скифов и алан. Б.А. Калоев, опираясь на новый, накопленный в XX веке, научный материал, уточнил реконструированную В.Ф. Миллером систему верований осетин. Л.А. Чибиров ввел в научный оборот много нового, полученного в экспедициях, полевого материала, а также, ставших библиографической редкостью, публикаций XIX века. В работе «Народный осетинский земледельческий календарь» обобщил и систематизировал сведения об аграрных культурах, бытовавших в различных частях Осетии.

В трудах В.Ф. Миллера дается всесторонний анализ и систематизация сохранившихся элементов феномена осетинской культуры — архаичной энотеистической религии; показана ее связь с древними североиранскими и кавказскими культурами; ее трансформация под влиянием христианства и ислама. Его работы стали научным фундаментом для последующих исследований духовной культуры осетин. Все это является основанием для признания ученого основоположником осетинского научного религиоведения.

1. См.: *Калоев Б.А.* Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 27-70.
2. *Болгарский И.* Великому господину преосвещеннейшему Антонию, епископу Астраханскому и Ставропольскому Осетинской комиссии от протопопа Иоанна Болгарского нижайшее доношение 18 июля 1780 г. // АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/п. д.1, л.л. 1387-1395.
3. См.: *Кокиев Г.А.* Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. — Орджоникидзе, 1940.; *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. — СПб., 1879; *Толстой В.С.* Поездка в Осетию в 1847 г. Из служебных воспоминаний В.С. Толстого. // «Русский архив». М. Кн. 2. 1875. С. 265-268.
4. *Гюльденштедт И.А.* Путешествие по России и Кавказским горам // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII-XVIII вв.). Калоев Б.А. (составитель). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 75.
5. *Паллас П.С.* Заметки о путешествии в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII-XVIII вв.). / Калоев Б.А. (составитель). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 89-90.
6. *Гюльденштедт И.Л.* Указ. соч. С. 280.
7. *Гюльденштедт И.Л.* Описание Кавказских земель // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII-XVIII вв.). Калоев Б.А. (составитель). — Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство. 1967. С. 88.
8. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в российском государстве народов. Ч. 2. СПб. 1799.
9. *Шёгрэн А.М.* Осетинская грамматика с кратким словарём осетинско-русским и российско-осетинским. СПб., 1844; Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Журнал «Маяк», Кн. XIII-XIV. 1843.
10. *Миллер В.* Осетинские этюды. Ч. I. // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Вып. I. М., 1881. С. 3.
11. *Калоев Б. А. В. Ф.* Миллер-кавказовед. Орджоникидзе, 1963. С. 33.
12. *Жускаев С.* Атынаг, праздник у осетин перед началом сенокоса и жатвы. // Г. «Закавказский вестник». 1885. № 32.; Его же: Похороны у осетин аладжирцев // Г. «Закавказский вестник». 1885. № 9.
13. См. Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуски 3, 4, 7, 9. Тифлис, 1870-1875.
14. *Гатуев А.* Христианство в Осетии // Владикавказские епархиальные ведомости. 1899, № 24.
15. *Калоев Б.А.* А.И. Шегрен — этнограф-кавказовед; его же. В.Ф. Миллер как этнограф осетинского народа // Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 335-350, 351-364.

16. Калоев Б. А. В. Ф. Миллер-кавказовед. Орджоникидзе, 1963.
17. Миллер В. Осетинские этюды. Ч. II. Исследования // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Вып. 2. М., 1882. С. 237-301.
18. Миллер В.Ф. В горах Осетии // Русская мысль. 1881. № 9. С. 55-105.
19. Миллер В.Ф. В горских обществах Кабарды: Из путешествия В. Миллера и М. Ковалевского // Вестник Европы. 1884. № 4. С. 540-588.
20. Миллер В.Ф. В горах Осетии // Миллер В.Ф. Ирыстоны хæхты. Дзæуджыхъæу, «Аланыстон», 1998. С. 520.
21. Там же.
22. Указ соч. С. 263.
23. Миллер В. Осетинские этюды. Ч. II... Исследования // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Вып. 2. М., 1882. С. 238, 247.
24. Указ. соч., с. 239.
25. Там же.
26. См. М. Мюллер «Введение в науку о религии».
27. Миллер В. Осетинские этюды. Ч. II... С. 238, 247.
28. Указ. соч. С. 239-240.
29. Миллер В. Осетинские этюды. Ч. II... С. 238, 247.
30. Указ. соч. С. 239-240.
31. Указ. соч. С. 256.
32. Указ. соч. С. 254.
33. Указ. соч. С. 262.
34. Калоев Б.А. В. Ф. Миллер-кавказовед... С. 72.
35. Миллер В. Осетинские этюды. Ч. II... С. 292.
36. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП, часть ССXLVII, отд. 2. С. 232-283; К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях // Материалы по археологии Кавказа. Т. III, 1893. С. 1-17.
37. Миллер В.Ф. О сарматском боге Уатафарне // Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского археологического общества. Т I, вып. 2. М., 1891. С. 129-134.
38. Миллер В. Древнеосетинский памятник из Кубанской области // Материалы по археологии Кавказа, т. III, 1893. С. 110-118.
39. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л. 1949. С. 260.